

Читайте в серии
Альтернативная Российская империя.
Расследования Корсакова:

Тайный архив Корсакова
Темный двойник Корсакова
Зловещие маски Корсакова

Игорь
Евдокимов

ЗЛОВЕЩИЕ МАСКИ
КОРСАКОВ
Оккультный
детектив

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е15

Иллюстрация на переплете
Юлии Конопаткиной
Карта на форзаце и внутренние иллюстрации
Александры Чу

Оформление серии
Екатерины Петровой
Редактор серии
Анастасия Осминина

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Nata_Alhontess, samui, Istry Istry, GaliChe / Shutterstock.com
(<http://shutterstock.com/>) <<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com (<http://shutterstock.com/>) <<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Евдокимов, Игорь Алексеевич.

Е15 Зловещие маски Корсакова / Игорь Евдокимов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-225149-8

Грядет Конклав Слепых. Тайные общества со всех концов света соберутся вместе — и оккультный сыщик Владимир Корсаков единственный, кто способен предупредить их об угрозе, что нависла над миром. Но хватит ли ему сил для того, чтобы уцелеть самому, ведь неумолимый поток событий уже несет его в самое сердце тьмы?

Из глубин горящего дьявольским светом озера — в подземелья Эрмитажа, где плачет кровью египетский саркофаг.

Из туманного Петербурга — в Венецию, где его обвиняют в преступлении, которое он не совершал.

Проклятия, ожившие мертвецы, тайные общества и существа, что питаются самой верой в них...

Чтобы понять, кто стоит за этими событиями, Корсакову вновь придется взглянуть в лицо своим страхам — или навсегда исчезнуть среди карнавала зловещих масок. И чем ближе он подбирается к ответу, тем явственнее становится шепот тех, что ждут своего часа.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Евдокимов И.А., 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225149-8

ЧАСТЬ I

«ДЕЛО О БЕЗДОННОМ ОМУТЕ»

I

1281 год, Новгородская земля

Лишь перед рассветом унялись нечеловеческие голоса и скреб когтей по стенам и дверям. Крики тех несчастных, кто не успел укрыться в храме, умолкли гораздо раньше.

Прошел еще час. Сквозь узкие окошки-бойницы пробился лучик солнца, разрезав темноту под высокими сводами церкви. Напуганные люди, прошедшие ночь на холодном каменном полу в центре храма, начали подниматься, настороженно прислушиваясь. Все стихло. Чужаки ушли. Будь все как обычно, погожее летнее утро встретил бы громкий крик петуха. Но не в этот раз. Молчание стояло гробовое, словно за стенами церкви не осталось ничего живого. И каждый из уцелевших был уверен: так оно и есть. Никто не спасся. Никто из тех, кого беда застала вне надежных каменных стен, не выжил.

Только сейчас люди поняли, что все это время сидели молча. Это осознание будто прорвало невидимую стену. Кто-то закашлялся. Заплакал ребенок. Полетели шепотки. Люди спорили, опасно ли открывать двери, или ужас из озера ушел вместе с ночной тьмой.

Вперед выступил священник: старший среди жителей, самый уважаемый из выживших. Спорщики затихли, ожидая его решения. А решение давалось нелегко. А ну как враг лишь затаился, только и выжидая, пока откроются тяжелые двери храма, чтобы хлынуть внутрь и истребить тех немногих, кого не удалось забрать ночью? Но и ждать долго — верная смерть. В церкви ни воды, ни еды, чтобы прокормить несколько десятков людей. А ночью... ночью чужаки могут вернуться.

— Отворяйте! — наконец скомандовал священник.

Мужики подошли к дверям, побрятели — и подняли тяжеленный засов. Только он да еще толщина дверей и стен позволили горстке людей уцелеть. Засов с гулким стуком упал на пол. Мужики толкнули створки, и в храм хлынул солнечный свет, уже не сдерживаемый узкими оконцами. Картина, открывшаяся снаружи, ужасала. Никто не мог поспорить с чужаками в жестокости, ни рыцари-крестоносцы, ни татары. Кровь этой ночью лилась столь обильно, будто с небес обрушился багровый дождь.

— Баб и детей малых не пускать, — распорядился священник. — Соберите, что уцелело. Мертвецов, что найдете, захороните. Телеги гляньте — кто не сможет идти, посадим и сами повезем. Пospешайте. К полудню надобно уйти.

Мужики угрюмо кивнули и отправились на свой мрачный промысел. Священник закрыл обратно двери и вернулся к уцелевшим женщинам и старикам. Велел из храма не выходить да позаботиться о детях. Сам же нырнул в свою каморку. Рассветные лучи из махонького оконца падали на стол. Священник достал

тяжелый том в кожаной обложке, грохнул перед собой и раскрыл на пустой странице. Пока страшные воспоминания свежи, требовалось положить их на письмо. Не себе, так будущим поколениям наука будет. Священник взялся за перо и аккуратно вывел первую строчку.

«В лето 6789 от сотворения мира, по Божию изволению, приключися беда в граде нашем.

И не ведахом поначалу о знамениях страшных, их же множество бысть. И на рыбу мор нападе, и всплываше она на поверхность озера мертва. А на берегах произрастаху цветы чудные, доселе невидимы».

Священник остановился, не в силах собраться с мыслями. Он знал, что следует писать дальше, но не мог продолжать. Несколько минут сидел, глядя перед собой невидящим взором. Наконец коснулся пером чистого листа. Каждая новая строчка доставляла боль, будто писана собственной кровью. Но священник продолжал. Он писал о пропавшей скотине. О рыбаках, что стали исчезать следом. О странных тенях, виденных дозорными среди деревьев в лесу, за озером. О чужих следах, кружащих вокруг стен, а вскоре — и вокруг домов внутри посада. О том, как собралась рать и отправилась в урочище, что за озером. Как ждали их те, что остались в городе. Ждали день, и ночь, и снова день... Священник опять остановился. Оставалось самое сложное. Самое страшное.

«А в нощи прииде враг на град. И прежде воссия озеро светом диавольским. А после того изыде из него поток неумолимый бесов, их же и описать не достанет сил моих. И взыдоша на забрала,

и вскочиша в град, убивающе вся без разбору. Иже же успеваху, укрываша в церкви. И затворихом, и заложихом врата, и утвердихом оныя. Всю ночь скрежетаху бесовская отродья когтями своими о стены, но не возмогоша в место святое внидти.

Наутрие же вси, иже уцелеша, порешиша град оставити и огню предати, да не будет он бесом на поругание оставлен. Да хранит Господь души павших и да ниспошлет избавление выжившим.

Писано отцем Варфоломеем, в месяце июне».

— Батюшка, все сделано, — раздался у дверей неуверенный голос одного из мужиков. — Схоронили тех, кого смогли найти. Да только не много от них и осталось. Молитву прочтете?

— Иду, — ответил священник, посыпая пергамен песком, чтобы не стерлись начертанные слова.

Он вышел, шурясь от бьющего в лицо солнечного света, такого непривычного после полутемных сводов храма. Следуя за провожаемым через разоренный город, священник понял, насколько страшным оказался удар неведомых демонов. Дома стояли... Он долго не мог подобрать нужного слова, пока оно само не явилось. Выпотрошенными. Их вскрывали и выволакивали прячущихся людей, будто внутренности пойманной рыбы.

Уже подходя к окраине, где выросла братская могила, священник услышал громкие взволнованные голоса людей. Доносились они от одного из выпотрошенных домов. У него сгрудились несколько мужиков, до хрипоты споривших о чем-то своем. Завидев приближающегося священника, один из спорщиков бросился к нему и затараторил:

— Батюшка, рассудите! Тут... такое... Вам бы самому глянуть!

Как по команде спорщики умолкли, а священник замер, услышав в наступившей тишине звук, чуждый для разоренного города. Детский плач.

Мужики расступились. Священник подошел ближе и увидел, что на пороге разрушенного дома лежит... что-то. Что-то живое. Приглядевшись, батюшка опешил.

Младенец!

Ребенок лежал молча, больше не плакал, но при этом, несомненно, был жив и с любопытством, неуместным для окружающего бедствия, смотрел на собравшихся вокруг.

— Уцелел! — выдохнул священник.

— Пощадили дитя малое, — подтвердил подозвавший его мужик. — Савелия дом это. У них сынок был.

— А вот почто пощадили, а? — грубо спросил городской кузнец. — А ну как сам он из этих? Отродье бесовское?

— Думай, что говоришь, дубина! — возмутился провожатый. — Видно же, что справный малыш, а не диковина какая!

— Верно тебе говорю! Спроста ли всех вырезали, а его оставили? Подкидыш это! Нельзя такого в живых оставлять!

— Дитя тронуть не дам! — укорил буяна священник. — Ишь чего удумал! Чудо это, а не бесовское отродье. Младенец безгрешный, вот и пощадили!

— А чего тогда моего разорвали? Он что же, не безгрешный был? — крикнул кто-то из-за спины кузнеца.

— То мне неведомо, — признался священник. — Но слово мое твердое. Кто на малыша руку поднимет — прокляну на веки вечные. Отдайте его молодке какой, из тех, что уцелели. С собой возьмем. А пока ведите к могиле. Не время медлить.

Час спустя несколько дюжин людей, все, что осталось от некогда многолюдного торгового города, выступили в путь. За их спинами разгорался пожар. Селение запалили с разных сторон, чтобы наверняка оставить врагу лишь пепел. Осели уцелевшие в Новгороде и по прошествии лет смешались с местными. Но долго еще передавали из уст в уста сказы о страшном дне, когда чудища вышли из озера, дабы разорить их дом.

А пепелище вскоре забыли. Из благодатной почвы вырос лес, спрятав все следы стоявшего раньше городка, не пощадив и крепкой каменной церкви. Когда, многие века спустя, вернулся сюда человек, о судьбе исчезнувшего поселения и беде, что дремала на дне озера, никто уже и не вспоминал.

Как и об уцелевшем ребенке...

II

*1881 год, июнь,
Санкт-Петербург, Невский проспект,
день*

На редкость погожим июньским днем на дебаркадер столичного Николаевского вокзала ступил приметный господин. Был он среднего роста, одет на манер лучших британских денди в строгий летний ко-

стюм-тройку, а при ходьбе опирался на длинную узкую трость. Внимательные голубые глаза слегка щурились от обволакивающего все вокруг паровозного дыма. В руке прибывший держал дорожный саквояж, остальную гору багажа за ним тащил нанятый носильщик.

Иными словами, Владимир Корсаков спустя полгода разъездов вернулся в Петербург и нашел его ничуть не изменившимся. На Знаменской площади¹ перед зданием вокзала все так же кипела жизнь. Извозчики подхватывали седоков, копыта лошадей и колеса экипажей стучали о булыжную мостовую. Реклама зазывала приезжих в гостиницы, от самых роскошных до последних клоповников. Разноцветный и разноголосый людской поток стекался на вечно занятой Невский, привлекаемый блеском витрин магазинов и кофеен. Тем страннее выглядела старая часть проспекта, ведущая от Знаменской площади к Александро-Невской лавре — чистая окраина, натуральные трущобы из деревянных домов и амбаров. Но уже и сюда медленно влезали многоэтажные доходные дома. Столичная недвижимость всегда была в цене, и зачастую проще было построить узкое, но высокое здание, чем растекаться на весь квартал.

Корсаков достал из кармашка часы с родовой эмблемой на крышке — змеей, опутавшей изящный ключ. Циферблат подсказывал, что время визитов еще не настало, а значит, Владимир вполне успевал заскочить в «Доминик» на чашечку кофе.

По этому кафе, первому в Петербурге, он успел соскучиться. Нет, конечно же, Москва тоже могла по-

¹ Ныне — площадь Восстания.

хвастаться приличными кофейнями, особенно на Кузнецком мосту, но к «Доминику» Корсаков привык настолько, что заведение, несмотря на болезненные воспоминания об Амалии Штеффель, частенько казалось ему домом, чего нельзя было сказать о вечно пустующей квартире у Спасо-Преображенского собора.

Экипаж доставил его напрямик к дверям кафе. Корсаков шагнул внутрь и с наслаждением втянул носом аромат свежесваренного кофе, смешанный с терпким запахом знаменитых доминиканских растегаев. Заняв свободный столик, Владимир кликнул официанта в сюртуке поверх белоснежной сорочки:

— Любезный, принеси черного кофе и пирожных, будь так добр.

— Сию минуту, ваше сиятельство! — отозвался тот, мгновенно признав завсегдатая.

— Корсаков, ты ли это?! — радостно воскликнул возникший у его стола маленький человечек с редкими, зализанными набок волосами и глазами, скрытыми за толстенными линзами очков.

— Привет, Серж! — с улыбкой ответил Владимир. — Как видишь, собственной персоной. Присаживайся, прошу.

— А мне говорили, что ты угодил в какую-то переделку в Москве, чуть ли не покалечился! — Собеседник плюхнулся на соседний стул. Звали его Сергей Витальев, и оккультным кругам Петербурга он был известен как неустанный коллекционер двух вещей: артефактов с дурной славой и сплетен. Причем даже он сам не смог бы сказать, какая из двух страстей терзала его сильнее. Формально Серж служил при отделении классических древностей Эрмитажа, и Корсаков

всерьез подозревал, что часть артефактов в его коллекцию перекочевала как раз из музея.

— О, это уже даже не новости, — отмахнулся Владимир. Рассказывать приятелю о своих похождениях под Муромом и в Смоленске он не собирался. Во-первых — личное. Во-вторых, Витальев не умел хранить секреты. — Как видишь, жив и здоров.

— А тросточку, стало быть, для солидности таскаешь? — невежливо ткнул пальцем Сергей.

— Для солидности и самообороны, — фыркнул Владимир. — Не чаял тебя здесь встретить, а ведь ты-то как раз мне и нужен.

— Я весь внимание! — подался вперед Витальев, словно охотничий сеттер, почувствовавший добычу.

— Слышал ли ты про некоего Николая Коростылева? — поинтересовался Корсаков.

— Коростылев... Коростылев... — задумчиво протянул Серж. — А он из наших?

Витальев имел в виду, принадлежит ли искомый человек к немногочисленной группе столичных обывателей, действительно разбирающихся в потусторонних делах.

— А это ты мне скажи, — ответил Владимир.

— Хм... Нет, не из наших точно. А не тот ли это... — Он задумался. — Мы сейчас, случайно, не про того дворянина, что увлекается водолазанием?

— Очевидно, — уклончиво отозвался Корсаков.

— Тогда отвечу так: про него слышан, но лично не знаком. Тем более что к нашим делам он, насколько мне известно, отношения не имеет. Баснословно богат. Недавно женился, причем, говорят, по любви, а не по расчету. Ну и, как я уже говорил, рьяно популяризи-